

Александр ВАРГО
и «Апостолы Тьмы»

НЕНУЖНЫЕ

*Тот самый случай, когда
жестокое убийство — наслаждение*

18+

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго

Ненужные (сборник)

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Варго А.

Ненужные (сборник) / А. Варго — «Эксмо», 2018 — (MYST. Черная книга 18+)

ISBN 978-5-04-094881-9

Шесть рублей! Всего шесть рублей не хватило сестрам Марине и Саше, чтобы оплатить за проезд в автобусе, и кондукторша высадила их поздним вечером на безлюдной дороге. Дети пошли в свой родной интернат пешком. На развязке свернули не в ту сторону... Ни в поселке, ни в интернате никто не спохватился, не начал бить тревогу. Тупое бессердечие людей неумолимо вело невинных школьниц в логово конченых подонков. И никто не встал на пути пьяных уголовников, пока ангел не вложил в детскую ладонь топор...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094881-9

© Варго А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Александр Варго

Ненужные

© Варго А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Все описываемые события, имена и географические названия являются вымыслом автора, и их совпадение с реальностью является случайным.

Жить сиротинке, что горох при дороге: кто пройдет, том и сорвет.

Не строй семь церквей, а вскорми семь сирот детей.

Поговорки

Новосибирская область, Агарьевский район, Трасса Р-601, до ближайшего населенного пункта 40 километров

13 февраля 2018 г., 14:09

Из-за прошедшей накануне бесновато-сырой метели вся дорога оказалась покрыта ледяной чавкающей мешаниной из снега и слякоти, которая тяжелыми грязными кляксами разлеталась из-под колес внедорожника. Матово-серебристый «Инфинити-QX-80», словно гигантский жук, закованный в тускло поблескивающий панцирь, уверенно катил вперед, взрыхляя стылый февральский воздух пронзительно-желтым светом фар. Внутри представительской иномарки находилась немолодая супружеская пара.

– Боря, включи музыку, – попросила женщина, поджав губы. – Надоели эти новости.

Ее супруг, Уваров Борис Сергеевич, послушно выполнил указание, настроив радио на музыкальную волну, транслировавшую зарубежные хиты восьмидесятых. Это был худощавый мужчина лет пятидесяти с жидкими темными волосами, слегка утомленным лицом и внимательными серыми глазами. Он заметил, что жена сложила на груди руки крест-накрест, с нетерпением вглядываясь на заснеженную дорогу.

– Нервничаешь? – коротко спросил Борис.

Елена щелкнула кнопкой бардачка, крышка послушно откинулась, словно пасть механического хищника.

– У меня затекла спина. А еще я хочу курить, – заявила женщина, доставая из бардачка плоскую пачку «Капри». – Не возражаешь?

Борис промолчал, и она перехватила его бесстрастный взгляд.

«Даже если я возражаю, это ничего не изменит», – подумал он про себя.

Елена извлекла из бардачка замысловатую зажигалку в виде золотистой кошки, прикурила.

– Боже, трудно поверить, что завтра утром мы проснемся совершенно в другой семье, – произнесла она, выпустив колечко дыма. – Мы всю жизнь провели вдвоем, не считая нашего мопса Мишки. И как по мне, решиться на усыновление, когда на пороге пятьдесят, – все-таки подвиг.

– Подвиг, – не стал спорить Борис, аккуратно объезжая глубокую лужу, для чего ему пришлось вырулить на встречную полосу. – Но, родная, во-первых, это все-таки опекунство, а не усыновление. А между этими понятиями есть существенная разница...

– Один фиг, – перебила мужа Елена, не дослушав до конца. – Разница лишь в юридических терминах. А по факту дети будут жить с нами, как при усыновлении. И потом, эти проверки со стороны опеки!

Борис глубоко вздохнул.

– Разреши мне все-таки закончить? – терпеливо проговорил он. – Во-вторых, мы ведь сами этого захотели. Я не хочу возвращаться к теме твоего здоровья, поскольку именно по этой причине мы пришли к выводу, что опекунство или усыновление в нашей ситуации единственный шанс... скажем так, обрести полноценное счастье. И дать его другим деткам.

– Да, конечно, – помолчав, сказала Елена. Она нервно затянулась и, приоткрыв окно, выбросила недокуренный окурок наружу. – Я все понимаю. Но...

Борис искоса посмотрел на жену.

«Такого раньше не было, – скользнула у него мысль. – Что-то явно ее гложет».

Между тем Елена потянулась за сумочкой и, вынув смартфон, принялась скользить по экрану ухоженным пальцем, листая фотографии.

– Помнишь, мы ездили в Озимы в прошлом месяце? – спросила она. – Там были чудесные малыши, четырехлетние двойняшки.

– Разумеется, помню, – подтвердил мужчина. – Если мне не изменяет память, Аня и Антон.

Елена кивнула.

– Я сегодня видела их во сне, – призналась она. – Понимаешь? Как будто они к нам переехали.

Борис некоторое время медлил с ответом, и жена, не дождавшись, продолжила:

– Я не отказываюсь от нашего решения. Мы сами захотели взять к себе этих троих ребят... Тем более с двойняшками мы не успели, у них уже появились кандидаты на усыновление. Но Боря...

Елена умолкла, словно устыдившись своих слов, и Борис, выдержав тактичную паузу, мягко произнес:

– Милая, мне тоже понравились те двое малышей. Но, видишь ли... Мне кажется кощунственным подходить к вопросу, будь то опекунство или усыновление, с рыночных позиций. Все-таки мы с тобой не на базаре выбираем картошку. Это ведь дети. Каждый – личность, со своим характером. Со своими чувствами, интересами, обидами. Они не простят обмана или фальши.

Она фыркнула, словно муж сморозил непростительную глупость:

– Ерунда. Пусть меня попробует кто-то осудить, если я не вправе выбрать для себя нормального и хорошего ребенка. По крайней мере, плохую картошку можно выбросить. И что ты прикажешь делать с тремя детьми, если что-то пойдет не так?! Нет, дорогой. Мы с тобой именно на рынке. Вся наша жизнь сплошной рынок, где продают все – начиная от картошки, заканчивая телом и душой.

В глазах Бориса промелькнуло смятение.

– Боже, Лена, о чем ты? – дрогнувшим голосом заговорил он. – Эти трое ребят, они ждут нас! Я никогда не забуду взгляд Сашеньки, средней девочки, когда мы уезжали! И потом... Они ведь без патологий, абсолютно нормальные дети! А прививать им лучшие человеческие качества должны мы с тобой! Мы!

Елена посмотрела на ногти, словно видя их впервые, и медленно произнесла:

– Знаешь, я ведь всегда была перед тобой честна, Боря. И сейчас говорю откровенно. У меня где-то глубоко внутри будто застряла заноза. Такая, что не могу думать ни о чем другом. Ноет, и все. Как будто стружку стальной проглотила, и она в печень воткнулась. Опять же... за неделю до нашего приезда сгорает приют, и наших детей временно помещают в какой-то

клоповник. Скажешь, совпадение? Не спрашивай, отчего да почему, но мне кажется, что-то идет не так. Не так, как я все это видела в своих мыслях. Ты понимаешь меня?

– Понимаю, – не раздумывая, отозвался Борис.

Елена окинула мужа критическим взглядом.

– Ни фига ты не понимаешь, – тихо промолвила она. – У меня такое ощущение, что там, на небесах, кто-то очень не хочет, чтобы у нас была полноценная семья…

Изящные руки женщины, никогда не знавшие изнурительной и тяжелой работы, вновь потянулись к сигаретной пачке. Пальцы уже готовы были извлечь сигарету, но в последнюю долю секунды замерли в воздухе.

– Нет, не буду больше курить, – решила она, захлопывая бардачок.

Пара минут прошла в молчании, которое нарушал лишь неподражаемый голос С. С. Catch с ее хитом «Heaven and Hell», льющийся из динамиков.

Снаружи мелькнул дорожный указатель – блеклый, покрытый глубокими вмятинами, с полустершейся надписью:

СОГРА 20 ЕРОСЬИНО 8

– О, боже, – простонала Елена, взлохматив густые волосы. – Еще двадцать километров?! Нам ведь до Согры?

– Да.

– Господи… Еще и название какое-то… – фыркнула женщина.

– Согра – заболоченная местность, – машинально проговорил Борис, прибавив: – поросшая кустарником… или мелким лесом.

– Весьма удачное название, – пробурчала Елена. – Мы едем в болото. И никак не приедем…

– Милая, потерпи, – примирительно сказал он. – Уже недолго осталось.

В глазах Бориса мелькнула тоска.

* * *

Между селом Согра и Еросыно расстояние, по деревенским меркам, было совсем пустячное – каких-то двенадцать километров. И если в Согре, в которой проживало порядка тысячи человек, еще теплилась какая-то жизнь, то крошечный поселок Еросыно существовал лишь на старых, потерявших свою актуальность географических картах и напоминал давно застывшее кострище, покрытое безжизненным слоем пепла. Пожалуй, единственным признаком цивилизации оставались побуревшие от времени и непогоды ЛЭП, по проводам которых с частыми перебоями бежал ток в другие обитаемые районы.

В конце 80-х Еросыно даже на фоне других поселков было вполне оживленной местностью. В те времена здесь были выстроены добротные гаражи из толстого камня, и чуть ли не каждый третий из них был оборудован под самопальную автомастерскую. Это несмотря на то что Еросыно славилось неплохой ремонтной базой как легковых автомобилей, так и рейсовых автобусов, депо которых располагалось тут же. В начале девяностых каким-то неизъяснимым образом были выкроены деньги настройку общежития для водителей, но ошеломляющие последствия перестройки оказались губительными для маленького поселка. Страйку заморозили, едва выкопав котлован и вклютив в дно сваи, автобусный кооператив разорился, гаражи оказались заброшенными, потому что, как впоследствии оказалось, построены они были с нарушением геодезических и других норм землепользования. Поселок быстро опустел. Однако отсутствие жизни в Еросыно отнюдь не помешало отдельным местным жителям продолжать использовать каменные коробки, в которых когда-то стояли машины, в собственных целях.

В тот день, когда супруги Уваровы, одолеваемые сомнительно-противоречивыми чувствами, двигались в «Инфинити» по заваленной снегом трассе на встречу к своим опекаемым, к одному из гаражей заброшенного Еросыно с хриплым надрывом, буксую по холодно-грязевой каше, подъехала видавшие виды потрепанная «Нива».

Изношенный двигатель, чихнув напоследок, резко заглох. С шумом хлопнули измятые двери с мутными, в разводах стеклами, выпуская на морозный воздух троих мужчин. Двое из них были еще относительно молоды, не старше тридцати, третьему можно было дать под шестьдесят. Все трое словно сошли с одного конвейера по выпуску бродяг: неряшливо-затасканные, поблекшие, словно жизнь высосала из них все соки и краски. Они смахивали на несвежие носки – штопаные-перештопаные, заскорузлые от пота и грязи, которые вызывают желание поскорее отправить их в мусорное ведро. Лица приехавших огрубелые, темные, как старый воск, с ранними морщинами и тронутые колючей щетиной.

Один из молодых вынул из кармана длинный ключ, потемневший от времени.

– Давай ты сам, Сапог, – проговорил он, улыбаясь щербатым ртом. – Типа, с возвращением.

Он указал на расчищенный пятак возле ворот гаража. Снежные завалы у других боксов превышали человеческий рост, с крыш исполинскими сталактитами свисали молочные сосульки.

– Это, типа, я вчера специально весь день ишачил, – похвастался щербатый. – Убирался перед твоим приездом…

– Молодец, Леха, – равнодушно отозвался Сапог. Покрутив ключ в заскорузлых, желтых от въевшегося никотина пальцах, он задрал голову, уставившись на толстый провод, тянущийся от крыши гаража. – Гляжу, и свет внутри остался? Как в старые добрые времена?

– А то, – самодовольно подобрался Леха. – Все как в лучших номерах Парижа!

– Ну, тады давай внутрь. Данилыч, тащи горчиловку¹ и хавчик! – обратился Сапог к пожилому мужчине и, с хлюпаньем вытаскивая из снежной жижи ноги, обутые в стоптанные казаки, зашагал к воротам.

Пока Данилыч, сопя и кряхтя, вытаскивал из багажника наполненные провиантом и алкоголем пакеты, Сапог ковырялся с замком.

– Не идет, – резюмировал он, хмуро сдвинув брови. – Не хочет, сука, с девственностью расставаться.

Леха, стоявший за спиной приятеля, закудахтал от смеха.

Сапог обернулся, смерив приятеля холодным взором.

– Че ты ржешь? Помоги.

– Даык, давай туда водки плеснем, – с готовностью предложил Леха. – Разогреется.

Сапог покачал головой.

– Я водку сегодня пить буду, а не брызгать на замки. Газета есть? Или бумажка хоть какая?

После недолгих поисков на заднем сиденье отечественного внедорожника была обнаружена замызганная рекламная газета, и с помощью зажигалки Сапог превратил ее в маленький факел. В ледяном воздухе, бестолково кружась, поплыли черные хлопья пепла. Наконец замок достаточно прогрелся, и мужчины не без труда открыли ворота. Леха тут же прильнул к электрощиту, завешанному лохмотьями паутины, что-то звонко щелкнуло, и спустя мгновенье гаражное помещение озарилось тусклым светом.

Гремя тяжелыми пакетами, Данилыч зашел внутрь последним, и Сапог с лязгом закрыл дверь изнутри.

¹ Водка (жарг.).

– Я летом сверху надстройку сделал, Сапог, – снова заговорил Леха. – Типа, как его... Пед... Пон... бля, забыл. Как-то по-пиндосски называется...

– Пентхаус? – подсказал Сапог, и Леха радостно заулыбался, кивая, словно китайский болванчик. Он торопливо пробрался мимо беспорядочно наваленного хлама, оказавшись у еще одной массивной деревянной двери, обитой потрескавшимся дермантином.

Освещение во втором боксе было куда ярче. Впрочем, и царящая внутри обстановка больше вызывала ассоциацию с жилой комнатой, нежели с собственно гаражом. Пусть запущенной и неухоженной, но все же комнатой, в которой вполне можно было существовать, даже в холодное время года. У стены старая, продавленная тахта, рядом, между ней и деревянным ящиком, втиснут залапанный жиром мини-холодильник. На ящике высился исцарапанный телевизор «Сокол». На густом слое пыли, облепившем экран, был неуклюже нарисован женский половой орган.

– Че еще за Ван Гог выискался? – скривился Сапог. – Хоть бы реализму добавили, что ли.

Виновато мигая, Леха прямо ладонью стер похабное творчество, размазав пыль по экрану.

– И кстати. Че тут смотреть, антенны все равно нет, – заметил Сапог, снова глянув на телевизор.

Наклонившись куда-то за ящик, Леха выудил не менее запыленный DVD-проигрыватель. Сдунув с него пыль, он с гордостью поставил его рядом с телевизором.

– Работает? – недоверчиво поинтересовался Сапог.

– А то.

С этими словами Леха ловко размотал удлинитель и, сунув штекер в переходник, включил кнопку. Через несколько минут экран вспыхнул мерцающим синим цветом.

– И диски есть, – добавил Леха, подключая к телевизору шнур.

Сапог уселся на заскрипевшую тахту. Он перехватил взгляд Данилыча, который поставил пакеты на перевернутый кабельный барабан, служивший в небольшой хибарке столом.

– Ты чего репу моршишь, Данилыч? – полюбопытствовал Сапог, с наслаждением вытягивая ноги, обутые в залапанные слякотью казаки. – Не рад, что ли, что родной сын от хозяина прибыл?²

– Почему же, рад, – после недолгой паузы ответил Данилыч. Оглядевшись, он подвинул к себе рассохшийся табурет и осторожно сел на него. Старое дерево скрипнуло, но выдержало вес мужчины. – Я просто в толк не возьму, почему мы сюда приехали. Я баню затопил. Картошки с салом нажарил, из подвала огурчиков и опять соленых достал...

По изжелта-морщинистому лицу Данилыча, напоминающему выжженую, потрескавшуюся землю, заскользила смутная тень, и Сапог, пристально наблюдающий за отцом, это заметил.

– Ну же. Договаривай, я ведь вижу, что тебе есть что сказать, – произнес он. – Не обязательно ждать, когда бухач язык развязет.

– До того, как тебя забрали, ты называл меня отцом, – с трудом выговорил старик. Было видно, что он избегает колючего взгляда сына. – А не Данилычем. Вон, для Лехи я Данилыч. Для своих деревенских я Данилыч. А для тебя я отец, Леня.

Сапог засмеялся и, положив ногу на колено другой, лениво покрутил в воздухе казаком, со стоптанного каблука которого на грязный пол упало несколько капель коричневатой жижи:

– Так вот чего ты напрягся... Это напрасно. Подумаешь, огорчился на «Данилыча». У нас вон одного перца Вафлей звали, и ничего, крутился как-то. Правда, под шконкой в основном...

– Ты на что-то обиду держишь? – напрямик спросил Данилыч.

Сапог перестал улыбаться.

² Вернуться из мест лишения свободы (жарг.)

– Обиду держат обиженные, батя, – тихо произнес он. – Они на то имеют свои причины. Не равняй меня с ними.

– Послушай, Леня, – мягко заговорил Данилыч. – Мы не виделись три с половиной года. Если что-то и было хреновое между нами, давай забудем об этом. Хоть сегодня. Я не понимаю ваших законов и ваших понятий, по которым ты хочешь жить даже здесь, на воле. Не лови меня на слове. Привыкай к тому, что ты наконец-то на свободе, сынок.

С этими словами он принял выставлять на кабельный барабан нехитрую закуску: рыбные консервы, шмат сала, черный хлеб, репчатый лук, вареную картошку «в мундире». За снедью последовала тяжелая артиллерия в виде бутылок, наполненных мутным самогоном.

Сапог наблюдал за ним с чувством снисходительного презрения, словно перед ним был не родной отец, а некто посторонний, неуклюже и тщетно пытавшийся выполнить какую-то работу, вроде отвинчивания от детали закисших болтов, используя вместо мощной отвертки монетку.

– Что-то здесь дубак, Леха, конкретный, – сказал он, энергично потерев ладони. Раздался шуршащий звук, будто вместо кожи соприкасались неоструганные доски. – Околеем ночью.

Леха подошел к стене, провел заскорузлым пальцем по едва заметной щели между пенопластом, пластиинами которого было оббито все помещение.

– Не знаю, Сапог. Я старался, – сказал он неуверенно.

– Фигово старался, – фыркнул Сапог.

– На втором этаже обогреватель.

– Тут же печка есть, – сказал Данилыч, указывая на самодельную, черную от копоти конструкцию из пропанового баллона.

– Можно и печь, – оживился Леха. – Я наверх, за обогревателем. А дровишки в гараже, в углу.

Когда он взобрался на второй этаж, Данилыч двинулся к сыну.

– Не так я представлял нашу встречу, – хрюплю произнес он, и губы его задрожали.

Лицо Сапога окаменело. Он убрал ногу с колена и медленно, не спеша поднялся.

– Почему мы в этом гадюшнике? – продолжал Данилыч. – Этот раздолбай Леха… тебе нужно начинать жизнь с нового листа, Леня! А ты… Сапог! Какой ты, на хер, Сапог?! У тебя ведь есть имя, Леонид!

Уголовник хмыкнул и молча выставил казак, задрав вверх облезло-поцарапанный носок.

– Я ненавижу пендосов, но ковбойская тема рулит, – пояснил он с усмешкой. – Настоящие крутые парни – эти ковбои. Вот и кликуха у меня такая. И вообще, времена меняются, батя. Так что не делай круглые глаза. Если вдруг услышишь что-то такое, что не ожидал услышать.

– Ты стал чужим, – прошептал отец. Побуждаемый эмоциональным порывом, он распахнул свои корявые руки в стороны, намереваясь заключить в объятия сына. Помедлив, словно все еще сомневаясь, Сапог шагнул навстречу отцу, и они обнялись.

– Я так ждал тебя, – все так же тихо произнес Данилыч, крепко прижимая к себе сына. – После того, как пропала Нина… У меня никого, кроме тебя, не осталось.

– Что ж. Я тоже рад, что ты жив-здоров. Только обо мне ты вспомнил тогда, когда твоя подруга свинтила черт-те куда.

Данилыч резко отстранился от сына, словно от него полыхнуло нестерпимым жаром:

– Не говори так. Мы любили друг друга. И она… – Он замешкался, словно растеряв весь словарный запас и не зная, как продолжить фразу.

– Что «она»? – чеканя каждую букву, спросил Сапог.

Данилыч сглотнул ком, залепивший глотку:

– Она и тебя любила, Леня. Как свое собственное дитя.

Обветренные губы молодого человека изогнулись в кривой усмешке.

– Меня любила мать. Она уже давно в могиле. А твоя Нина, то есть моя мачеха, просто исчезла. Может, свалила с каким-нибудь хахалем, куда-нить в Новосибирск. Рога тебе наставила, а ты тут сидишь, ждешь неизвестно чего…

Данилыч собрался что-то возразить, но наверху послышалась возня – Леха, осторожно переставляя ноги по ступенькам, спускался с обогревателем вниз, и пожилой человек лишь плотно сжал губы. Он неверяще рассматривал сына, который едва ли не усмехался ему прямо в лицо.

«Где? Как, почему? Что я упустил?» – подбитой птицей металась у Данилыча рваная мысль.

– Че, дрова еще не принесли? – послышался голос Лехи, и Данилыч, выйдя в гараж, направился к высившейся в углу поленнице.

«Зря я приехал сюда, – мелькнуло у него в мозгу, пока руки складывали задубевшие дрова, покрытые примерзшими опилками. – Нужно было дать ему оклематься с приятелями. Он на меня аж волком смотрит».

– Пробки не выбьет? – спросил тем временем Сапог, глядя, как Леха подключает обогреватель.

– Выбьет – засунем обратно, – подмигнул Леха, и Сапог ухмыльнулся.

– Да, кстати, насчет «засунем», – сказал он, и его глубоко посаженные глаза азартно блеснули. – Что там с телками? Ты говорил, Толян привезет каких-то кисок.

Вошел Данилыч, свалив дрова у печки.

– Угу, – сказал Леха. – Толяну позвонить надо, мы добазарились, что он ждать будет.

Но прежде чем парень полез за мобильником, снаружи неожиданно раздался стук. Громкий и настойчивый.

Темно-серые глаза Сапога сузились, словно у рыси, почувствовав опасность:

– Леха, ты же еще не звонил Толяну.

Тот помотал головой, одутловатое лицо приняло растерянное выражение.

Сапог посмотрел на замершего отца.

– Тогда какого хера сюда еще кого-то занесло?

Стук повторился.

* * *

– Марина, автобус! Это наш, да?

Крошечная девочка в мешковатом, не по размеру большом пуховике вцепилась в локоть своей старшей сестры, которая, щурясь, пыталась разобрать маршрутный указатель подъезжающего «ЛИАЗа». Здешний общественный транспорт номеров не имел, лишь картонные таблички, прилепленные к лобовым стеклам раздолбаных, дышащих на ладан маршруток и автобусов.

– Наш, да? – не унималась малышка, энергично дергая за куртку сестру.

– По-моему, наш, – отвечала Марина, но кроха уловила в ее голосе нерешительность. И лишь когда древний, кашляющий и фыркающий «ЛИАЗ» мутно-оранжевого цвета увядшей моркови подполз к заполненной ожидающими людьми остановке, девочке в пуховике удалось прочитать табличку:

Каланчовка – Согра

– Каланчовка – Согра, – обрадовалась она. – Наш, Марина!

Старшая девочка улыбнулась.

– Ты молодец, Сашок, – похвалила она сестру. – Только не отходи от меня, ладно?

Торопясь и толкаясь в пассажирском потоке, девочки принялись влезать в автобус.

Народу набилось так много, что, казалось, одряхлевший «динозавр» советского автобусостроения не выдержит и попросту развалится на груду ржавого железа, шестеренок, пружин и гаек, но каким-то непостижимым образом «ЛИАЗ» со скрипом сдвинул двери. Взревел дребезжащим мотором и, с усилием буксая лысой резиной по снежному киселю, пополз прочь с остановки.

Активно работая локтями, Саше удалось пробиться к заднему окну, ее любимому месту. Все стекло, будто гладь озера, было сковано серебристо-узорчатой пленкой льда. Марина встала сзади, на всякий случай поддерживая сестру за локоть. С терпеливой сосредоточенностью Саша целую минуту дышала на заиндевевшее окно, пока оттаявшие узоры не разошлись в стороны, словно тучи на небе, обнажая влажный кружочек стекла, сквозь который проключился клочок неба. Саша улыбнулась и, стащив заледеневшую варежку, принялась пальчиком расширять «окошко». Решив, что оно стало достаточно большим для обзора, девочка принялась смотреть на мелькающие деревья с сугробами. Все же лучше, чем с ее ростом таращиться на спины и попы тех, кто тряется в автобусе!

Глядя на сестру, Марина тоже улыбнулась. Ее взгляд упал на Тима – пухлого плюшевого ослика, который, пристегнутый железным карабином, болтался на рюкзаке Саши. Марина вспомнила, как уговаривала сестру не таскать с собой Тима, ведь все-таки был определенный риск – кто-то сорвет в школе, он может испачкаться и прочее, но Саша заупрямилась, как, собственно, то самое животное, прототип которого она решила во что бы то ни стало носить на рюкзаке.

«Почему Тим?» – как-то спросила Марина, и Саша с недоумением взглянула на сестру.

«А как же еще? Это Тим», – тоном, не допускающим компромиссов, ответила она.

Да, вот так. Тим, и все.

– Оплачиваем проезд! Не забываем оплачивать проезд! – раздался где-то в толпе женский прокуренный голос кондукторши, и Марина машинально коснулась кармашка на «молнии», где хранились деньги – тридцать четыре рубля. Собственно, проезд стоил двадцать рублей – Саша ездила с ней бесплатно. И хотя ей уже исполнилось семь, кондукторы смотрели на это сквозь пальцы, не выпытывая возраст девочки и тем более не требуя с нее оплаты проезда.

Марина ласково погладила шелковистые локоны Саши, выбившиеся из-под шапочки.

«Наверное, все-таки надо ей сказать. Она так ждала этого!» – подумала она. Набрав в грудь воздуха, Марина наклонилась и тихонько произнесла сестренке на ухо:

– Сашок, я тебе открою один секрет. Только обещай, что не будешь сейчас визжать от радости.

Девочка мгновенно утратила интерес к своему «окошку» на стекле.

– Секрет? – шепотом переспросила она, завороженно глядя на сестру своими большими глазами орехового цвета.

– Ты помнишь тетю Лену и дядю Борю? Которые приезжали к нам, когда мы еще в детдоме на Масловке жили? Ну, дядя Боря тебе подарил Тима?

В глазах Саши затрепетали огоньки, так просыпаются уснувшие угольки, когда на них подует ветерок, помаргивая рубиновыми боками.

– Помню, конечно, помню! – От нетерпения ребенок даже заерзал.

– Они сегодня приедут за нами, – с трудом скрывая волнение, сказала Марина. – Я тебе специально пока не говорила, думала, будет сюрприз. Мне тетя Лена звонила. Вот так. И они заберут нас с собой!

Она радостно улыбалась, увидев, как глаза сестры вспыхнули яркими софитами. Раскрасневшееся от мороза лицико Саши преобразилось, засияв от счастья.

– Только тссс, – предупреждающе произнесла Марина, подняв к губам указательный палец, и Саша, понятливо кивнув, прижалась к сестре.

– Ура, – прошептала девочка. – У нас будут папа с мамой!

На следующей остановке автобус опустел наполовину – на Коммунарке всегда выходило много народа, и сестры вздохнули спокойно. Теперь, когда рядом было свободно, они могли спокойно обсудить свое будущее.

– А они нас с Димой заберут? – уточнила Саша. – Мы же не оставим Диму?

– Конечно, не оставим, – успокоила ее Марина. – Они ведь знают, что Дима наш младший братик. Как же нас делить? Нет, нас возьмут сразу всех, и мы будем жить в огромном доме!

– У меня будет розовая кроватка, – мечтательно проговорила Саша. Она непроизвольно возила пальчиком по стеклу, хотя к тому времени «окошко» успело затянуться тончайшей ледяной пленочкой, на которой уже начали проступать контуры новых узоров.

– Будет, – пообещала Марина, про себя гадая, так ли это будет на самом деле. Наверное, все же будет. К примеру, дядя Боря очень добрий. И никогда не повышал голос, когда они гуляли целый день и даже немного хулиганили. А вот тетя Лена... Она показалась Марине немного нервной и взвинченной. Их будущая мама постоянно смотрела на часы, кому-то звонила, расспрашивала о какой-то ерунде, предлагала выпить газировки, потом снова хваталась за мобильник, по третьему кругу задавала те же самые вопросы, на которые она и Сашок уже несколько раз терпеливо отвечали пару минут назад...

Да, положа руку на сердце, тетя Лена вызывала у нее двойственное чувство, но тем не менее Марина искренне верила, что в новой семье им будет хорошо.

– Смотри, твоя подружка, – вдруг сказала Саша, и Марина обернулась, столкнувшись взглядом с полной девочкой в ярко-красной куртке и теплой шапке с двумя помпонами.

– Варя, а я тебя не заметила, – робко, словно извиняясь, произнесла Марина.

– Да ты никогда никого не замечаешь, – фыркнула Варя. Она вытерла варежкой нос и вдруг сказала:

– Это из-за тебя я сегодня контрольную по математике не написала. Мне Раиса двойку теперь поставит.

Марина растерянно моргнула.

– Не могла, что ли, списать дать? – продолжала распаляться Варя. – Подумаешь, воображала!

– Варя, Раиса мне и так два замечания сделала, – запинаясь, ответила Марина. – Когда я оборачивалась... Я начала тебе писать записку с ответами, но урок уже закончился.

Однако эти аргументы не оказали должного воздействия, и Варя смерила одноклассницу взором, преисполненным ядовитого презрения:

– С тобой так никто дружить не будет. Одна останешься! Нужно помогать!

Саша переводила недоуменный взгляд с сестры на возмущенную толстую девочку. Неизвестно, чем закончился бы спор, если бы к ним не подошла кондукторша – тучная женщина лет пятидесяти пяти с серым пуховым платком на голове. Мясистое лицо багрового цвета «украшал» фингал под правым глазом, редкие зубы смахивали на сгнившую ограду, изо рта тянуло несвежим дыханием. Через плечо – небольшая облезлая сумочка из кожзама с гремящей мелочью.

Судя по выражению заплывших глаз, кондукторша была явно не в духе.

– За проезд, – отрывисто произнесла она, держа перед собой темно-желтый моток билетов.

Глядя на нависшую над ними грузную кондукторшу, Марина неожиданно испытала неосознанную тревогу. До сегодняшнего дня она не встречала эту неопрятную женщину – раньше на их маршруте работал седой старичок, которого все называли дядя Вася.

«Может, он заболел? И вместо него теперь будет ездить эта тетя с синяком?»

– Оплачиваем проезд, – раздраженно повторила кондукторша, и Варя с Мариной торопливо полезли в карманы. Женщина взяла четыре пятирублевых монетки от Вари, оторвала ей

билет и уставилась на ладошку Марине, в которой, поблескивая медью, лежали два кружочка по десять рублей.

– Эта с вами? – хрипло спросила она, тыча толстым пальцем со стершимся лаком в сторону Саши.

– Да, – тихим голосом ответила Марина. – Она моя сестра.

– Сколько ей лет?

«Шесть, – сверкнуло в мозгу Марине. – Скажи, что Саше шесть лет! И тогда не придется платить!»

Эта мысль еще резонировала в закоулках сознания, когда из ее рта непроизвольно вылетело:

– Семь.

– Тогда еще двадцать рублей, – безапелляционным тоном заявила кондукторша.

Марине внезапно стало жарко, хотя из ее рта вырывались облачка пара.

– Двадцать рублей? – переспросила она, хотя прекрасно слышала женщину.

– Да. За себя и сестру.

Саша, словно чувствуя приближающуюся беду, прижалась к Марине, испуганно глядя на кондукторшу. Та продолжала сверлить сестер ледяным взглядом.

Дрожащей рукой Марина потянулась к кармашку. Задела об «молнию» содранную утром заусеницу, поморщилась. Пальцы нащупали четырнадцать рублей – два «пятака», одна двухрублевая монетка и две рублевые.

– Ну?! – повысила голос кондукторша.

– У меня... гм, у меня только четырнадцать, – несмело проговорила Марина, раскрывая ладошку. Женщина сипло усмехнулась:

– А кто шесть рублей за вас будет доплачивать? Я не миллионерша, чтобы вас, «зайцев», бесплатно катать!

Ища хоть какую-то поддержку, Марина посмотрела на Варю, но одноклассница демонстративно отвернулась и, что обиднее всего, ее круглое лицо озарилось триумфом, граничащим со злорадством.

– ...мало того, что и так копейки за работу платят! Мало того, что пьяные хулиганы руки распускают, чуть глаз не выбили, – продолжала кипятиться кондукторша, – так все время норовят обмануть!

Еще никогда Марина не испытывала такого стыда. С колотящимся сердцем она оглядела пассажиров, что сидели поодаль. Вон какой-то незнакомый прыщавый парень, жующий жвачку... вон какая-то худая тетя в наушниках, копающаяся в сотовом телефоне, а вон какая-та бабушка дремлет у окна... И, как назло, никого из знакомых!

– Варя, – позвала она умоляюще. – Варя, ты не могла бы...

– У меня нет денег, – отрезала девочка, даже не повернув голову в сторону Марине.

– Нет денег – выходите, – потребовала кондукторша. У нее был такой вид, что она вот-вот ударит кого-то из сестер. – В следующий раз не забудете у мамы взять!

«У нас еще нет мамы», – едва не сорвалось с языка Марине, но она сдержалась, промолчав.

Кондукторша еще пару минут продолжала извергать желчь, вероятно, ожидая, что Марина огрызнеться или просто вступит с ней в спор, и тогда она уж оторвется по полной, но девочка хранила молчание. Как и Саша, спрятавшаяся за ее спиной.

Наконец автобус сделал остановку, и к этому времени кондукторша полностью выдохлась.

– На выход, – процедила она, провожая девочек злым взглядом.

На ступеньке Саша поскользнулась, и Марина едва успела удержать сестру от падения.

Двери, скрипнув, закрылись, и «ЛИАЗ», кашлянув вонючим бензиновым выхлопом, неторопливо двинулся дальше, как сонная гусеница.

Девочки проводили автобус безмолвными взглядами, затем посмотрели друг на друга.

– Марина, а где наш дом? – тихо спросила Саша.

Марина оглянулась, бледнея. Вдоль дороги лесополоса, с другой стороны – необозримо-заснеженное поле. Лишь разбитая дорога, покрытая кашей из снега и слякоти, напоминала о присутствии человека.

– Где наш дом? – дрожащим голосом повторила Саша.

* * *

– Слыши, ты никого больше не звал? – задал вопрос Сапог, с подозрением уставившись на приятеля, и Леха, рискуя вывихнуть шею, энергично замотал головой.

– Что, думаешь, менты? – испуганным шепотом спросил он.

– А что мне менты?! – внезапно окрысился Сапог. – У меня еще на справке об освобождении чернила не высохли! Я сегодня первый день на воле! Если менты, так, может, это по твою душу??!

– Да, Леня, тебе на учет вроде встать надо, – влез в разговор Данилыч. – Можа, участковый что разнюхал?

Стук раздался в третий раз, и было в этом грохоте в железные ворота гаража что-то надрывно-отчаянное, как последний крик о помощи, словно стоящий снаружи человек из последних сил спасался от озверевших преследователей, намеревающихся разорвать его в клочья.

– Сапог! – послышалось снаружи. Голос был глухим и дребезжащим, будто волочащаяся на веревке консервная банка, привязанная к хвосту дворняги.

Приятели переглянулись.

– Кажись, Керосин, – неуверенно предположил Леха.

Лоб Сапога, испещренный глубокими морщинами, слегка разгладился.

– Открывай. Керосина стрематься не надо. Безобидный торчок.

Леха с лязгом выдвинул стальной запор, приоткрыв дверь.

На снегу, опервшись на костицы, стояло сгорбленное существо неопределенного пола и возраста.

Из-под засаленной вязаной шапочки свисали пакли грязных волос, обрамляя высохшее лицо землистого цвета. Пергаментно-блеклая кожа обтягивала череп так плотно, что казалось, она вот-вот лопнет и осыплется, словно труха, обнажая голую сухую кость. Шелушащиеся губы покрыты незаживающими язвами, под студенисто-воспаленными глазами дряблые почерневшие мешки.

– Керосин? – недоверчиво произнес Сапог, выступая вперед.

– Привет, братуха, – проскрипело нечто, и Сапог, помедлив, заключил изможденное существо в объятия.

– Я знал, что тебя выпустили сегодня, – заявил Керосин, будто бы информированность об освобождении Сапога было высшим и почетным достижением. Теперь, когда двери гаража открылись, в его рыбьих водянистых глазах затеплилось нечто отдаленно напоминающее движение. Словно на дне застоявшегося пруда заворачалась изможденная больная рыба, пытаясь принять более удобное положение, взбаламучивая илом и грязью воду.

– Ну, че стоять на морозе? – рассудительно проговорил Сапог. – Давай к нам.

Проходя мимо отца, Сапог поймал его осуждающий взгляд и холодно улыбнулся в ответ.

Они расположились в комнате с печкой, возле которой начал суетиться Леха.

– Ща согреемся, – пообещал он, закладывая внутрь поленья и раздувая угли.

Сапог опустил голову, с интересом разглядывая стоптанные кроссовки вновь прибывшего гостя. Разбитые, грязно-серые, изжеванные, с отслаивающейся подошвой и без шнурков, они выглядели так, словно Керосин совершил в них кругосветное путешествие и останавливаться на достигнутом не собирался.

– Ждали телок с сиськами, а прикандалыбал Керосин, – нараспев проговорил Сапог. – Причем с хреном вместо сисек и с костылем.

Бродяга изобразил отталкивающую гримасу, что, вероятно, означало улыбку.

Сапог поднял глаза.

– Ты херово выглядишь, Керосин. Что удивительно, если взять в расчет, что на зоне парился я, а не ты. Ты уж не огорчайся. Тебя словно засунули в помойный бак, и ты там уснул и дрых все время, пока на тебя кидали и выливали всякое дермо, а проснулся через пару лет, когда про этот бак вспомнили и его наконец-то отвезли на свалку. Три года назад ты выглядел совсем по-другому.

Кряхтя и подволакивая ногу, Керосин тяжело опустился на тахту, поставив костыль рядом.

– Замерз я, парни, – бесцветно сказал он, будто и не слыша обличительно-жесткую речь Сапога.

– Оно и видно, – хмыкнул Леха, раздував огонь. – Каким ветром тебя сюда занесло?!

Керосин уставился на него ничего не выражаящим взглядом.

– На вертолете. На голубом вертолете, – сказал он и неожиданно хихикнул. – С волшебником.

Сапог нахмурился.

– Ты че, приход уже словил? И это... Ты давай, про голубые вертолеты завязывай. В другой компании будешь эту заднеприводную тему мусолить.

Он открыл бутыль с самогоном, плеснул в пластиковый стакан половину, протянул Керосину:

– Хлопни, согреешься.

Тот машинально схватил стакан и, не морща, выпил.

– Ты, Сапог, извини, что я без приглашения, – хрипло произнес он, вытирая губы. – Как татарин. Просто помню я, что мы друзьями с тобой были...

– Почему «были»? – очень удивился Сапог. – Я своих корешей помню. Ты лучше скажи, че с тобой? На чем сидишь, в смысле? Вот в натуре, встретил бы на улице, не узнал!

Керосин замялся, и вместо него оживился Леха.

– Да, он на «крокодиле»³ подвисает, – ответил он. Огонь в печке уже достаточно разгорелся, и Леха аккуратно ворочал поленья прутом арматуры, покерневшей от копоти. – Слыхал про такое?

– «Крокодил»? – переспросил Сапог озадаченно. – Слышал я про эту хрень. Говорят, даже в обычной аптеке затариться можно?

– Ну, типа, раньше без рецепта давали, щас лавочку вроде прикрыть хотят. По слухам, полная жесть. Вроде вштыривает, как от герыча, только отходняк уж слишком жесткий. А если не в вену, а в мышцу игла попадет, вообще триндец. Мясо гнить заживо начинает, – пояснил Леха. – Да, Керосин?

– Хренасе, какие подробности, – изумился Сапог. – Сам, че ли, пробовал?

Леха уже открыл рот, намереваясь ответить, но его перебил Керосин.

³ Леха имеет в виду дезоморфин – синтетический наркотик. Наркозависимые в кустарных условиях извлекают из кодеин-содержащих таблеток дезоморфин и делают внутривенные инъекции. Однако при внутривенном потреблении дезоморфина в организм попадают токсичные вещества, оставшиеся после химических реакций. Попадая в кровяное русло, они повреждают стенки сосудов и околососудистую клетчатку. Кожа на месте инъекций покрывается чешуйками и ороговевает, напоминая кожу рептилий. Поэтому в среде наркоманов дезоморфин называют «крокодилом».

– Не гони пургу, Леха, – покачал он патлатой головой. – Не знаешь темы, лучше не свисти. Мне больше по кайфу коаксил⁴. На «крокодиле» торчат уж совсем отмороженные.

Наркоман перевел свои мутные глаза-стекляшки на уголовника:

– Сапог, у меня к тебе дело.

– Просто так, в гости, значит, не мог прийти, да? – пристыдил его Сапог. – Дела потом. Ну что, давайте накатим? Я три года нормальной жрачки не видел!

Самогон тяжело забулькал, наполняя пластиковую тару.

– Уговорили, – сипло проговорил Керосин, беря трясущейся рукой стакан. – Но эта последняя. Не моя это тема, Сапог. Не обессудь.

– Надо говорить не «последняя», а «крайняя», – наставительно сказал Леха.

Данилыч молча выпил. От него не ускользнуло, что худая кисть их незваного гостя перемотана заскорузлым от грязи платком, сквозь который проступали желтые пятна гноя.

– Парни, давайте анекдот расскажу для разгрузки, – нарушил паузу Леха. – Короч, встречаются два перца. Один другому: «Вот, мля, этот Интернет какая штука удивительная! Познакомился с одной офигенной телкой, двадцать пять лет, блондинка, фигурка – пальчики оближешь, и предлагает потрахаться в гостинице… Я, типа, приперся, а это оказался толстый жирный мужик с лысиной. Но и секс с ним, конечно, тоже не айс…»

Закончив, Леха залился визгливым смехом, Сапог лишь улыбнулся краем рта. Данилыч и Керосин сидели молча, вообще никак не отреагировав на шутку.

– Слыши, Лех! – вдруг вспомнил Сапог. – Так что там с телками?! Уговор ведь был!

Леха понятливо кивнул, нажимая огрубелыми пальцами на кнопки старенькой «Нокии».

– Молчит, сучонок, – с досадой сказал он после нескольких томительных гудков. – Может, уже в дороге.

Сапог скрестил ноги, задумчиво глядя на слякотные лужицы, натекшие с его казаков.

– Керосин, от тебя воняет, – не глядя на приятеля, сказал он. На этот раз уголовник не улыбался. – Причем не просто стоячими носками. Так воняет тухлятина. Леха, выходит, прав? Че там у тебя с рукой?

Наркоман растерянно улыбнулся:

– Сапог, это… понимаешь, у меня…

Он зашелся хриплым кашлем, и Сапог нетерпеливо смотрел на бродягу. В его взгляде сквозила презрительность и холодное отчуждение.

– …у меня сейчас проблемы… – откашлявшись, произнес Керосин. Он вытер липкие губы, нервно обвел их кончиком грязно-желтого языка. – Я скоро уйду. Мне… кхх!.. нужно перетереть с тобой одну тему.

– Перетрешь, – кивнул Сапог. – Только, прежде чем ты мне обрисуешь свою проблему, я скажу тебе вот что. Я ненавижу нариков. Они хуже дерьяма, вот так. Одно дело раскумариться косячком, и совсем другое – колоть себе в вены и яйца всякую мерзость, вроде твоего «крокодила». Крокодил Гена, мля, нашелся. Я видел у нас такого одного на зоне. Он за укол был готов «петухам» очко вылизывать, за щеку брать. Хуже опущенных, вообще никаких берегов не видел вокруг. Таких, как ты, надо отстреливать, вроде бешеных собак.

Керосин сидел, застыв в сгорбленной позе, таращась куда-то в угол тесной хибары, словно пенопласт, впопыхах наклеенный на стену, заботил его куда больше, нежели нелицепри-

⁴ Коаксил – тианептин, атипичный трициклический антидепрессант. Вызывает сильную наркозависимость. Как только коаксил с водой попадает в вену, образуются тромбозы: закупорки с застоем крови, отягощенные огромным количеством микробов, введенных с инъекцией. Далее инфекция распространяется по всему организму, может возникнуть заражение крови, гангrena, нарывы во внутренних органах. В таблетированную форму препарата входят вспомогательные вещества, которые являются нерастворимыми веществами по своей сути, а проще – песком. При попадании в сосудистое венозное русло происходит закупорка и, как следствие, нарушение кровообращения, гипоксия тканей, некроз, сепсис. Очень часто единственным возможным выходом из такой ситуации становится ампутация конечности.

ятно-обидные откровения друга. Если бы сейчас Сапог принялся ему читать лекцию о квантовой электродинамике, выражение его высохшего, как у мумии, лица едва ли изменилось бы.

– Знаешь, почему я тебя не вышвырнул отсюда? – негромко спросил Сапог. Казалось, его темно-серые глаза с тихим скрипом буровили насквозь восковое лицо наркомана. – Потому что я не забываю тех, кто за меня впрятся. И я помню, как ты меня выручил. В 2011 году, помнишь? Я такие темы помню, хотя мы с тобой потом и рассчитались.

– Спа… спасибо, – с усилием выдавил Керосин.

– Я пока что тебя еще уважаю. Так и быть, сегодня это твой дом. Но скажу при всех: мне охрененно не нравится, что с тобой происходит. Ты похож на жмурика в морге, который вдруг начал дрыгать руками и ногами, вот так. И как ты доплелся сюда? Неужто чапал с остановки? Тут пилить почти три километра, в говне по колено! Видать, серьезный у тебя ко мне базар!

– Леня, давай выйдем на минутку, – тихо произнес Данилыч. Он мягко опустил свою жилистую руку на плечо сына, и Сапог после небольшой паузы нехотя подчинился.

– Леха, поставь что-нибудь, – обратился он к товарищу, перед тем как выйти. – А то скучновато становится. Не Керосином же любоваться.

Он и Данилыч зашли в гараж, прикрыв за собой дверь. По сравнению с тесным закутком, который уже начал прогреваться от обогревателя и печки, здесь стоял пронизывающий мороз, царапая ледяными иголками кожу, незащищенную одеждой.

Сапог хмуро смотрел на отца:

– Ну?

– Гони эту шваль на х..., Леня, – процедил пожилой мужчина. – Меня только от одного вида на это вонючее пугало блевать тянет!

И вновь эта холодная ухмылка, напоминающая тонкий разрез на бледном рыбьем брюхе:

– Это мой дом, батя.

– Твой дом не здесь... – начал было Данилыч, но Сапог не дал ему закончить, повторив:

– *Мой* дом. И только я буду решать, кто из вас будет сидеть со мной за одним столом.

Понятно?

– Ты... ты...

Данилыч буквально задыхался от возмущения и едва сдерживался, чтобы не схватить за шиворот ухмыляющегося отпрыска и не выбить из него дурь.

– Ты ставишь меня в один ряд с этим отбросом?! – спросил он, пытаясь совладать с эмоциями.

Кривая усмешка стала шире, и Данилыч внезапно подумал о щуке. Злой, голодной щуке, заприметившей карася.

– Давай я тебе кое-что напомню, – заговорил Сапог. – Освежу, так сказать, память. Когда в 2011-м я первый раз попал под статью, мне помог именно Керосин. Мне не хватало лавандоса, и это он мне помог забашлять предкам того пацана, которого я случайно сшиб. Забыл, небось?

– Не забыл, – прошептал Данилыч. – У меня все время перед глазами лицо его матери.

– Они взяли бабки, – с нажимом сказал Сапог. – Значит, тема закрыта. Если бы не Керосин, мне не хватило бы откупиться! Я бы сел в тюрьгу уже тогда!

«Наверное, это было бы правильным и единственным верным выходом – подумал Данилыч, с бессильным гневом глядя на сына. – Может, именно тогда ты должен был отмочить свой срок, чтобы не превратиться в это бездушное дермо, что сейчас стоит передо мной!»

– Мне помог Керосин, а не ты, родной отец. Че ты мне тогда говорил? «Мужик должен отвечать за себя?» Так?

Преисполненный яростью голос Сапога звучал так, словно им можно было крошить гранит, и Данилыч решил не накалять и без того сложную ситуацию.

– И не ты мне будешь указывать, с кем и как дружить, – добавил Сапог, слегка остывая.

Плечи Данилыча опустились. Он посмотрел на ворота.

– Мне уйти, сын?

Сапог напрягся, словно тугая пружина.

– Нет, – после долгого раздумья сказал он. – Но я не хочу, чтобы ты давил на меня. Понял, батя? Ты стал другим, я стал другим. Мир стал другим, жизнь тоже изменилась. Завтра поедем к тебе. Тогда и баню затопишь. А сейчас я хочу побывать здесь. Здесь прошла моя юность. Здесь мне дорог каждый гвоздик, каждая дощечка и трещинка. Вот так.

Они вернулись в комнату. По телевизору, дергаясь и зависая, шел «Бумер». Печка уже достаточно раскалилась, и Леха регулировал заслонку. Керосин сидел в той же самой позе, пляясь в никуда остекленевшим взглядом. Его покрытые грязными разводами пальцы нервно чесали забинтованную руку.

– Че с Толяном? – спросил Сапог.

Леха вздохнул:

– Тишина, мля.

Керосин вздрогнул, словно услышав кодовое слово:

– Сапог… надо поговорить.

Сапог потянулся за бутылью.

– Валяй. Только прямо здесь, мне нечего скрывать.

Наркоман облизал пересохшие губы и чуть подался вперед, будто Сапог мог его не расслышать:

– Мне нужны бабки, Сапог. Много бабок. Или меня на ремни порежут.

* * *

В тесной кухоньке убого-обветшалого двухэтажного барака за древним скрипучим столом расположилось трое – Елена с Борисом и Павел Егорович, однорукий хозяин малогабаритки, куда временно переселили детей, которых намеревалась взять под свое опекунство приехавшая семейная пара.

Борис сидел с каменным лицом, искоса разглядывая «интерьер» их временного пребывания, и каждая подмеченная им мелочь вызывала если не отвращение, то презрительность как минимум. Затертый до дыр линолеум, пожелтевшая от времени и грязи кафельная плитка, сплошь покрытая паутиной трещин, мятые кастрюли валялись прямо на полу в углу в перемешку со сковородками, настолько мазутно-черного цвета, что, казалось, их использовали для засорения угля, а не для приготовления пищи. Растрескавшийся потолок в блекло-рыжевых разводах, словно на чердаке распотрошили какого-то беднягу и пару суток труп тихонько лежал, пропитывая своими выделениями эту несчастную халупу.

Екатерина, сотрудник детского дома, о чем-то взволнованно разговаривала в прихожей по сотовому. Это была крупная женщина лет тридцати пяти с необъятной талией и громадными обвислыми грудями. При взгляде перед глазами Бориса мгновенно вырисовывался образ двух арбузов в сетке-авоське.

– Так вот, я и говорю, – пробубнил в третий раз Павел Егорович, с бессмысленной сосредоточенностью передвигая засаленную солонку из одного конца стола в другой. Мелко подрагивающие пальцы единственной руки, свекольно-багровый нос в глубоких в оспинах, заплыvшие глаза с кровяной сеточкой на белках – все это выдавало в хозяине квартиры большого любителя дерянуть между делом бутылек-другой.

– И я говорю, – повторил он, стрельнув осторожным взором в сторону гостей. – С тех пор, как погорел, значит, ихний приют, так они у нас и воркуют, голубки… Наши дети, значит, уже выросли, в доме они живут своем, так что места у нас хватает… Хорошо, дай Бог, эти детки живы остались… Хотя руку на сердце ежели положить, какой там хорошо… Старшая девка-то едва без глаз не осталась… Да-да…

«Старшая девка, – мысленно произнес Борис, испытывая непреодолимое желание встать и уйти прочь из этого гадюшника. – Он что, даже не знает имен девочек, которые у него живут?!»

В отличие от него, Елена обратила внимание на другое.

– Что значит – без глаз? – спросила она напряженным тоном.

– Ну, эта… балкой по голове вашей девчонке грохнуло, – энергично жестикулируя единственной рукой, пояснил Павел Егорович.

– Марине? – уточнил Борис, и тот, помедлив, кивнул.

– Да вы не бойтесь, – успокаивающе проговорил Павел Егорович. – Видит, конечно, она хреново, но пусть хоть как-то… Не ослепла, и то радость.

На кухню вошел крошечный мальчуган лет четырех. На нем была измятая майка, залапанная коричневатыми пятнами чая, и исчерканные фломастерами трусы. Нос и щеки малыша тоже были в цветных разводах, словно тот играл в индейцев, пытаясь нанести себе боевую раскраску. Левая нога мальчика была перебинтована, развязавшийся конец волочился за ним, как поводок от сбежавшего щенка.

– Пливет, – сказал он, с серьезным видом разглядывая своих будущих опекунов.

– Привет, Дима, – заулыбалась Лена. – Ты чего такой чумазый?

Ребенок ткнул грязным пальцем в мясистую тушу сотрудницы детского дома, маячившую в коридоре.

– Тетя Катя сказала, что сюда едут толстая тетка и лысый очкалик, – понизил он голос, как если бы сообщал военную тайну. – А плиехали вы. Это вы?

Улыбка на лице Елены померкла, губы превратились в тонкие нитки.

– Уж чья бы корова мычала, – обронила она, сцепив пальцы в «замок».

Борис смущенно кашлянул.

– Ну, вы тут поболтайте, я щас приду, – засуетился Павел Егорович, торопливо вылезая из-за стола.

Мальчик подошел вплотную к Борису.

– У нас в садике тоже был очкалик, – сообщил Дима, ковыряясь в носу. – Только он был не лысый. А вы нас плавда забелете?

Борис перехватил многозначительный взгляд супруги.

– Гм… Конечно, Дима, – сказал он, одновременно чувствуя странную нерешительность в голосе. – И тебя, и Марину с Сашей…

Глазенки малыша засияли, словно начищенные монетки.

– Это здолово! А то тут скучно! Дядя Паша пьет водку. Даже ночью, когда тетя Маша спит. А если она видит, как он пьет, она его бьет. Плям по молде.

– Тетя Маша? – машинально переспросил Борис, чувствуя, что где-то глубоко внутри, набухая, начинает медленно разрастаться что-то обжигающе-ядовитое, словно громадный ком стекловаты, пропитанный ртутью.

– Ага, – согласно кивнул Дима. Он черкнул босой ножкой по замызганному линолеуму, и Борис обратил внимание на черную кайму под ногтями мальчика.

– А у тебя машина есть? – снова спросил малыш.

– Конечно, есть, – ответил мужчина. Он неосознанно потянулся к ребенку, но тот не спешил сокращать дистанцию между ними.

«Как маленький олененок из леса. Вроде испытывает любопытство, но не доверяет», – мелькнула у Бориса грустная мысль.

– Даешь покататься? Я умею кататься на машине, – с непоколебимой уверенностью заявил Дима.

– Обязательно, – пообещал Борис. Только сейчас он заметил, что ребенок практически полностью игнорирует его жену, сосредоточив свое внимание на нем.

— А ты нас не бросишь? — задал он вопрос, заглядывая в глаза мужчине, и Борису стоило неимоверных усилий, чтобы выдержать взгляд этих не по-детски серьезных глаз, которые с нетерпением ждали ответа. Правдивого, честного, искреннего ответа.

— Нет, — тихо ответил мужчина.

— Не бросай, — попросил Дима. — Сашка плачет все влемя. Вот я — муссина. Я не плачу. А она плачет. Знаешь, как она твоего ослика любит? Она все влемя с ним ходит. Она его Тим назвала.

Борис ощущил, как в глазах собирается влага.

— Я рад, что ей так понравился наш подарок, — только и промолвил он. Кашлянув, он спросил: — А где твой робот? Тот, что мы тебе подарили в прошлый раз?

Оглянувшись, будто его могли подслушать, Дима со вздохом ответил:

— Он сломал. Когда голел наш плошлый дом. Жалко, конечно. Но ты ведь еще мне подалиши лобота?

Борис кивнул:

— Непременно.

— А еще у меня нога голела, — произнес Дима, выставив вперед забинтованную ногу. У него было такое довольное лицо, словно он гордился тем, что побывал в пожаре и получил ожог. — Чуть весь не сломал.

На кухню вернулся Павел Егорович. Почесывая нос, он уселся на расшатанный стул, и Борису хватило лишь одного короткого взгляда, чтобы убедиться: инвалид специально уходил, чтобы спокойно, без лишних свидетелей «хлопнуть» рюмку. Следом вошла Екатерина, в неподвижности застыв у запятнанной жиром раковины.

Дима скользнул по хозяину дома любопытным взглядом и сказал, обращаясь к Борису:

— А знаешь, почему у дяди Паши одна лука? — зашептал он, и на его чумазой мордашке появилось заговорщическое выражение. — Не знаешь? Он ланыше был военным, и его бандиты поймали. Они ему луку отлезали.

Бориса начал разбирать смех.

— Военный, значит? — пряча улыбку, переспросил он, и Павел Егорович, покраснев, махнул рукой:

— Вы его не слушайте. Он сочинять любит.

— Хочешь семечек, посы на веничик, — все с тем же серьезным выражением проговорил Дима. — Хлен в жопу вместо уклопу.

— Боже, Дима! — воскликнула Елена Сергеевна, покраснев.

— Это кто ж тебя так научил? — спросил Борис Сергеевич, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно.

Мальчуган махнул ручонкой в сторону хозяина квартиры:

— Это дядя Паша так говорил.

Теперь настала очередь краснеть Павлу Егоровичу.

— Нда... — протянула Елена, многозначительно глядя на супруга.

— Это плохие слова, Дима, — объяснил Борис ребенку. Лицо мальчика оставалось безучастным, словно он не видел каких-либо различий в понятиях «хорошо» и «плохо».

— А ну, малец, давай в комнату, — наконец обрел дар речи Павел Егорович. — Старшим поговорить надобно.

Дима с неохотой покинул кухню, и Екатерина покачала головой:

— Ага, хорош военный. На заводе по пьяни руку под пресс сунул, вот и весь военный. Хорошо, всего не перемололи, как в мясорубке! И гадостям ребенка учишь... нехорошо получается, Павел Егорович.

— Ты, Катька, помолчи, — недовольно пробурчал инвалид. — Я тебя еще ссыкухой помнил, и мы с твоим отцом...

Он махнул рукой.

– Есть какие-то новости? – сухо поинтересовалась Елена, и это не ускользнуло от Бориса.
Не простила ей толстуху, решил он.

– Я говорила с опекой, – заговорила Екатерина. – Сегодня подготовят все бумаги, завтра утром подпишете и можете забирать деток.

Елена посмотрела на мужа.

– А почему не сегодня? – осторожно спросил Борис, чувствуя, что супруга ждала от него реакции. *Мужской* реакции.

Екатерина развела толстые руки в стороны, словно намеревалась обнять слона:

– Я им не указ,уважаемые. Уже время послеобеденное, пока туда-сюда...

– Туда-сюда, – повторила Елена и желчно усмехнулась: – Мы сегодня встали в четыре утра и проехали почти триста километров. Предлагаете нам вернуться домой, а завтра снова ни свет ни заря нестись сюда??!

На мясистом лице сотрудницы сгоревшего детдома отразилось нечто отдаленно напоминающее удивление. Словно раздавленный, не подающий признаков жизни таракан вяло пошел велел лапкой.

– Уважаемая...

– Елена Алексеевна, – холодно произнесла Елена.

– Елена Алексеевна, мы и так сделали все, что от нас зависит.

Борис накрыл своей ладонью холеную руку жены.

– Лена, мы можем переночевать где-нибудь неподалеку, – мягко заметил он. – Наверняка поблизости есть какая-нибудь гостиница...

– Зачем гостиница? – вмешался в разговор Павел Егорович. Его нос, казалось, побагровел еще больше, напоминая перезрелую сливу. – Давайте у нас. Пацанва пусть на полу дрыхнет, у меня ватник старый есть...

Елена взглянула на однорукого, словно перед ней сидел умалишенный в смирительной рубашке. И прежде чем с ее уст успело сорваться что-то язвительное, Борис торопливо сказал:

– Мы бы хотели повидать девочек. Когда они придут из школы?

Екатерина округлила густо накрашенные глаза:

– Это я не в курсе,уважаемые. Насчет девочек вы у хозяев спрашивайте...

– Скока времени? – спросил Павел Егорович.

Посмотрев на часы, Борис ответил, и тот задумчиво поскреб щетину на подбородке:

– Должны скоро прийти, кажись...

– Кажись, – пробормотала Елена, и в это мгновенье настойчиво затренькал ее смартфон. –

О! А вот и они, сами с усами... Але? Але, Марина?

Она несколько секунд слушала, наморщив лоб, затем удивленно взглянула на экран:

– Отключилось. Ничего не поняла. Вроде на какой-то остановке стоят...

– Ну, и правильно, что стоят, – закивал Павел Егорович, словно так и должно быть.

Кряхтя, он вылез из-за стола. – Уроки, значит, закончились, вот они и домой спешат, к вам, значит...

Елена нажала на вызов Марину, но в автоответчик вежливо сообщил, что абонент временно недоступен.

– Ну, вы тут решайте, а я пойду, – заторопилась Екатерина и, не без труда протиснувшись между Борисом и раковиной, заспешила к выходу.

– Может, мы их встретим? – нерешительно предложил Борис, но Елена качнула головой:

– Нет уж. И так накатались за сегодня, у меня голова уже болит. Пойдем перекусим куданибудь. Одни, без мальчика.

Последнее предложение прозвучало как непреложный факт, чтобы у Бориса даже не возникло никаких мыслей возразить.

Уже в дверях Борис поймал взгляд Димы. В одной руке мальчик держал смятый лист бумаги, в другой – красный фломастер.

«Не блосайте нас», – щелкнуло в мозгу, и Борис поспешил отвести взор от мальчугана.

– Мы скоро придем, – глухо сказал он, к своему стыду, ощущая в произнесенных словах оправдывающиеся нотки. – Через… через час.

Дима не сводил глаз с семейной пары.

В коридор, пошатываясь, вышел Павел Егорович.

– А то смотрите, – икнув, проговорил он. – Зачем вам на эти гостиницы хреновы тратиться… Вечерком посидим…

Но Борис уже не слышал пьяного инвалида, спускаясь по ступенькам следом за женой.

* * *

Саша испуганно озиралась вокруг, словно рассчитывая, что вот-вот за нескончаемой лесополосой мелькнет их покосившийся барак, в котором они с сестрой и братом жили последний месяц после расселения.

– До дома еще очень далеко, Сашок, – сказала Марина, будто читая мысли младшей сестры. – Но ты не расстраивайся.

– Мы будем ждать нового автобуса? – спросила девочка. Подул промозглый ветер, и она накинула капюшон, отворачивая лицо от колючих снежинок, впивающихся в кожу.

Марина, шуряясь, посмотрела на заснеженную трассу. Мимо, разбрызгивая слякотную кашу, пронесся огромный грузовик, донельзя заляпанный грязью, и если бы девочки не отскочили назад в самую последнюю секунду, их бы окатило с ног до головы.

– Следующий автобус будет тот же самый, Сашок, – со вздохом сказала Марина. – Часа через два. И там будет та же самая тетя. Она не разрешит нам ехать без денег, понимаешь?

На раскрасневшемся от холода лице Саши отразилось искреннее недоумение:

– А почему нас раньше не выгоняли?

– Потому что ты была маленькая, – терпеливо ответила Марина, хотя ее стали утомлять расспросы любопытной сестренки – нужно было принимать какое-то решение. Не стоять же тут, на морозе, в ожидании чуда?!

– Если бы тебе было шесть лет, нам бы не надо было платить, – добавила она.

– А ты специально сказала, что я взрослая, да?

– Специально, – не стала скрывать Марина.

Несколько секунд Саша о чем-то сосредоточенно размышляла, затем решительно сказала:

– Ну и правильно. Врать нехорошо.

Марина вытащила из внутреннего кармана пуховика мобильник. На него тут же попали снежинки, и она, бережно обтерев экран, шуряясь, взглянула на время.

17:10.

«Если мы пойдем пешком, то в Согру придем где-то через два часа», – прикинула она про себя. Затем чуть не хлопнула себя по лбу.

– Я полная дура, Сашок! – воскликнула она, и кроха вопросительно уставилась на сестру.

– Мы сейчас позвоним нашей маме Лене! И она с дядей Борей нас заберут! – возбужденно проговорила Марина. Глаза Саши засияли.

– Тогда скорее звони!

Пальцы не слушались, список абонентов расплывался, буквы и цифры прыгали перед глазами, превращаясь в карикатурных человечков, которые кривлялись ей с экрана потрепанного «Самсунга». Совершенно некстати девочка обратила внимание, что зарядка телефона была практически на нуле.

«Как бы сотовый и вовсе не сел».

С замершим сердцем Марина слушала, как в ожидании ответа играет какая-то мягкая музыка. Это необычно красивая музыка была словно из другого мира, там, где нет грязных, разбитых дорог, пронзительного холода, который, казалось, забирался в каждую пору твоей кожи, чтобы выморозить тебя до льда, там нет злых и обиженных на все и вся кондукторов, высаживающих двух сирот на мороз только из-за того, что на проезд им не хватило каких-то шесть рублей...

Она встрепенулась, услышав в трубке знакомый голос:

– Але? Але, Марина?

– Тетя Лена! Тетя Лена, мы тут, на остановке! Мы ехали из школы и...

Она замерла, услышав характерный короткий писк, и отстранила телефон от уха, словно он был заразным.

– Ну, что там? Марин, чего она сказала!? – Саша с нетерпением дергала за рукав сестру. Марина с трудом выдавила улыбку.

– Ничего. Я не услышала. Телефон старый, Сашок, и батарея тут же села. Прости, что хорошенко не зарядила вчера... Но я успела ей сказать, что мы на остановке.

«Правда, не сказала, на какой именно», – добавила она про себя с беспокойством.

– Может, они за нами приедут? – с надеждой спросила Саша.

– Может быть. Пошли, Сашок. Надо идти, а то уже темнеет.

Она заботливо поправила сестре шарф, капюшон, лямку рюкзака.

– Давай сюда руку.

Саша послушно взяла сестру за руку, и девочки зашагали вперед.

Несколько минут они молчали. Не потому, что говорить сестрам было не о чем, нет, они могли болтать часами непрерывно на самые различные темы. Просто этот противный ветер, как назло, бил прямо в лицо, швыряя игольчато-острую россыпь льдинок в глаза, нос, румяные щеки, и девочкам даже пришлось пригибать головы к груди. Ослик Тим болтался на рюкзаке Саши, словно хотел оторваться от «бегунка» молнии и улететь прочь от своей хозяйки.

Когда наконец метель немного улеглась, Саша спросила:

– Марина, а почему эта тетя в автобусе такая злая? Ее кто-то обидел?

«Наверное», – подумала Марина, решив, что в словах сестры есть толика правды.

– Это потому, что ей кто-то в глаз ударил и у нее синяк, – продолжала рассуждать девочка.

– А может, ей как раз синяк поставили, потому что она такая злая, – предположила Марина, и Саша, обдумав эту версию, кивнула головой.

– А почему ты все время щуришься? – снова задала она вопрос.

Марина замялась. Она не хотела сейчас обсуждать эту болезненную тему, но факт остался фактом: зрение ее существенно ухудшилось, и причина тому – та страшная ночь, когда ей, полураздетой, напуганной до смерти от дымовой завесы и полыхающего пламени, пришлось вытаскивать из огня детей, как Сашу с Димой, так и других...

– Сильный ветер, вот и щурюсь, – выкрутилась она.

– А мы не заблудимся?

– Нет, – без тени сомнения ответила Марина. – Тут ведь одна дорога. Мы по ней пойдем и скоро придем домой. А там нас будут ждать тетя Лена и дядя Боря...

– Марина...

Девочка повернула голову, глядя на младшую сестру.

Из-под заснеженной шапки на нее глядели серьезные глаза.

– А почему ты тетю Лену не называешь мамой? Ведь они с дядей Борей наши мама и папа?

Марина вновь замешкалась. Она сама не могла ответить себе, почему так происходит. Несмотря на то, что вопрос с переездом в новую семью можно было назвать почти решенным,

какая-то странная, невидимая преграда удерживала полностью раскрыться перед тетей Леной и ее мужем, дядей Борей. Хотя они были всегда очень добры и внимательны к ним... Вероятно, слишком сильны еще были воспоминания о прежней семье, которая вернула их в детский дом меньше чем через год с тех пор, как взяли к себе... Но Марина не хотела вспоминать об этом периоде жизни.

– Знаешь, Сашок, как только они нас заберут к себе и мы станем жить вместе, тогда, конечно, они станут для нас настоящими мамой и папой. Договорились?

Саша улыбнулась, и Марина, с облегчением вздохнув, поняла, что ответ сестру устроил.

Она ошибалась, полагая, что обратная дорога домой будет всегда прямая. До развилики оставалось меньше километра.

* * *

Сапог застопорил «Бумер» на паузе, щелкнув исцарапанным пультом, и в гаражном закутке воцарилось молчание.

Слышалось лишь сухое потрескивание дров в печке и унылое завывание ветра снаружи. Керосин обвел замерших мужчин затравленно-безумным взором.

«Он похож на загнанного зверя. Которого окружили и вот-вот на вилы насадят, – внезапно подумал Данилыч. – Он словно шакал. Смертельно больной, облезлый шакал, к которому нельзя приближаться, не надев толстых варежек, чтобы не подцепить какую-нибудь заразу...»

– Ну, чего прикисли? – хрипло произнес Керосин. – Или как только зашел базар про помочь другу, у меня все кореша растерялись?!

– Это у тебя в штанах прикислο, – хмуро осадил его Сапог. – Кто тебя резать собрался? Кому задолжал?

Керосин шмыгнул носом.

– Чингизу.

Сапог и Леха обменялись понимающими взглядами.

– Тот самый, что ли? – уточнил Леха.

– Тот самый, – раздраженно ответил наркоман. – Будто здесь другой Чингиз появился!

– Он наркоторой барыжит, – объяснил Леха Сапогу, и тот кивнул:

– Слыхал я про этого кренделя. Мутный тип.

Он искоса взглянул на Керосина, который то и дело вытирал пот, струившийся по восковому лицу.

– И сколько ты ему торчишь?

Керосин глубоко вздохнул и выдавил, не глядя на приятеля:

– Сто сорок рублей.

Сапог поскреб подбородок.

– Сто сорок тыщ, что ли?

– Ну да.

Уголовник присвистнул.

– И чего ж ты от меня хочешь, болезный? Я похож на фраера, у которого в пиджаке сто сорок тыщ запасные припрятаны? – спросил он. В голосе Сапога звучало неподдельное изумление, как если бы ему приходилось объяснять несмышленому ребенку, почему день сменяет ночь.

Керосин ничего не ответил, и бывший зэк вновь потянулся к бутылке.

– Какой срок у тебя? – полюбопытствовал он, наполняя стаканы.

Керосин нервно сглотнул.

– Неделя. Это край, Сапог. Ты просто не знаешь Чингиза. Он...

– Да срал я на твоего Чингиза, – с нескрываемым презрением обронил Сапог. – У меня с ним общих дел нет.

– Сапог, но я...

Керосин вновь закашлялся.

– Кашляй в другую сторону, – потребовал Данилыч, со скрипом отодвинув табуретку в сторону. – Не хрена тут своими слюнями людей заражать!

Керосин даже не посмотрел в сторону пожилого человека.

– Сапог, он меня убьет, бля буду, – захныкал он. – Ведь я же выручил тебя, братуха... Когда... кха! Когда у меня был лавандос, я ведь помог тебе, и ты помнишь! Сам сказал! Теперь... теперь я тебя прошу! Как брата прошу, выручи!

На лице Сапога не дрогнул ни один мускул.

– Ну, будем здоровы, – спокойно произнес он тост и, не чокнувшись, выпил. Потянулся к ломтику сала, степенно отправил его в рот.

– Ты, Керосин, наверное, забыл, что я с тобой в полном расчете? И твое бабло я тебе вернул. А что касается выручить... Ты, по ходу, с башкой вообще не дружишь. Где я тебе столько деньжищ найду? Банк ограблю? Почку продам?

Керосин, не зная, куда деть зудящие руки, судорожно вцепился в костьль. Глядя на него, Данилыч неожиданно подумал об утопающем, который из последних сил вцепился в трухлявшую деревяшку.

– Я не знаю. Может, просто побазаришь с Чингизом? Ты в авторитете, тебя многие знают, – взмолился Керосин.

– Ага. Щас, сорвался и побежал. Нет, Керосин, разруливай сам свои косяки. Долг – дело чести. А ты свою честь, как я погляжу, растворил в этом долбанном «крокодиле». Не торчал бы на всякой дряни, не было бы этого геморроя.

Лицо Керосина приняло такое горестно-плаксивое выражение, какое только может возникнуть у ребенка, которому неожиданно отказали в покупке долгожданного подарка. Плечи обвисли, водянистые, лихорадочно блестевшие глаза быстро потускнели. Казалось, кто-то невидимый просто нажал на кнопку, выключив Керосина, как ставший ненужным фонарик.

– Ме... меня у... убьют, Сапог, – прошептал он. От охватившей его паники наркоман начал заикаться. – Ссс... Сапог, знаешь, чт... что Чингиз сд... делает с должниками? Од... одному парню он отрезал все пальцы н... н... на руках. А другого пацана попросту сожгли. Он бе... бегал по дому, как живой факел, и кричал. По... понимаешь?

Сапог продолжал сидеть с каменным выражением лица. Он ткнул пультом в DVD-проигрыватель, и отечественный блокбастер о непростой жизни бандитов вновь ожила.

– *«мы... едем в ту же сторону... можем проконтролировать, чтобы с вашим грузом ничего не случилось»*, – в придорожном кафе Килла убеждал дальнобойщиков принять условия своей крыши.

– Продай хату, – посоветовал Сапог как ни в чем не бывало, словно Керосину эта идея не могла раньше прийти в голову.

– Опоздал, – хмыкнул Леха, зубами сдирая с дольки вареной колбасы оболочковую ленточку. – Хату толкнули еще пару лет назад. Он сейчас в коммуналке с матерью. Так, Керосин?

Керосин проигнорировал вопрос, тупо пялясь на пышущую жаром печку, словно вообще утратил способность соображать и не понимал, о чем идет речь.

– Ну, тогда извиняй. Бананив нема, – усмехнулся Сапог, процитировав известный анекдот.

– Ты сказал, что поможешь мне, – разбито прошептал Керосин. – Ты...

– Если бы мог – помог. И вообще, дружище... Хочешь честно? Ни хрена тебя не спасли бы эти сто сорок кусков. Такие, как вы, всегда кому-то чего-то должны. Вечно. Сегодня ты со

своим Чингизом рассчитался, а завтра тебе опять нужна будет доза. И ты будешь у него в ногах валяться, унижаясь и умоляя, чтобы он тебе колес отсыпал. Что, я неправ?

Керосин шмыгнул носом и, к всеобщему изумлению, сполз прямо на пол, встав на колени.

– Сапог, мн… мне больше не к… кому обратиться, – выплевывая слова, проскрипел он. Из воспаленных глаз потекли слезы. – Я бы и… и комнату продал бы… но о… она на мать записана. А она, с… сука, не даст продать…

– Ну и падаль же ты, – сплюнул Данилыч, с омерзением глядя на наркомана. Между тем Керосин, не вставая с колен, пополз к Сапогу.

– Я напи… напишу расписку, – хлюпая носом, прохныкал он.

– О да. И че мне с ней делать? – прищурился уголовник. – Кораблики-самолетики мастерить? Или скурить? Поднимись, не позорься. Глядеть противно.

Он хотел добавить что-то еще, но в это мгновенье зазвонил сотовый Лехи. Тот глянул на экран, и глаза его заблестели:

– Опа, вот и Толян!

Парень поднес трубку к уху, и лицо его изменилось.

Сапог сдвинул брови, молча глядя на друга.

– Ладно, – наконец проговорил Леха разочарованно. – Ты там это… аккуратнее. Звони, если че надо.

Он положил мобильник на стол и виновато взглянул на уголовника:

– Непруха, Сапог.

– Кто звонил?

– Женяка, сестра Толяна. А его самого менты с утра замели. Сначала, мол, как свидетеля, а потом какая-то старая манда его опознала. Якобы Толян у нее как-то сумку увел. У него же условный был. Щас на полную катушку получит.

– Толян че, таким голым гоп-стопом заниматься начал? – недоверчиво спросил Сапог. – Совсем с дуба рухнул.

Леха пожал плечами.

– За что купил, за то продал. Так что баб сегодня вечером не будет, – уныло вздохнул он.

– Пускай сестра Толяна сюда едет. Смотаешься за ней?

Леха помотал головой:

– Она страшная, как бегемот с похмелья. Рожа кривая, половины зубов нет, и глаза в разные стороны смотрят, как у рака, даже по пьяни не всунешь. Я лучше кобыле под хвост вдуну, чем ей. И потом, ей сейчас в ментовку идти, ее допрашивать будут.

Сапог поднял бутыль с самогоном, разглядывая через стекло Керосина, который продолжал стоять на коленях, размазывая по грязному лицу слезы и сопли.

– Ну и дела, – задумчиво проговорил уголовник. – Может, я не в тот день на волю вышел? Все через жопу.

– Сапог…

Бывший зэк поставил бутыль обратно, с любопытством глядя на Керосина. Шелущающиеся губы наркомана изогнулись в жалостливой гримасе.

– У меня… нет выбора.

Он подполз еще ближе, и Сапог ощутил тяжелый смрад, сочавшийся густыми волнами от вконец опустившегося мужчины.

– Ты о чём, Керосин? – усмехнулся уголовник. – Какой, к едрене-фене, выбор? Ты себя в зеркало видел?

Наркоман медленно покачал головой и, ухмыльнувшись, неожиданно поманил чумазым пальцем, словно намереваясь поведать Сапогу некую тайну.

– Ты меня начинаешь утомлять, Керосин, – сухо произнес Сапог, тем не менее чуть подавшись вперед.

— А я ведь... кое-что знаю, Сапожок, — прошептал Керосин. На этот раз он смотрел бывшему зэку прямо в глаза. Глядя в них, Сапог почему-то подумал о заброшенном котловане, с торчащей внизу арматурой. Один шаг в темную бездну, и ты, истекая кровью, ломаный-переломанный, извиваешься на ржавых прутьях, словно червяк на крючке.

— Что ты знаешь, чучело огородное? — тихо спросил Сапог. — И не смей меня называть Сапожком. Еще раз скажешь, челость сверну.

— Подвал, Сапожок, — чуть слышно промолвил Керосин. — Ты не забыл про подвал и Шмеля?

Он глумливо захихикал, видя, как побледнел Сапог.

* * *

Спустя минут двадцать после того, как чета Уваровых ушла, домой после смены вернулась Мария, супруга Павла Егоровича.

— Что, уже хряпнул? — спросила она, подозрительно оглядев покачивающегося в коридоре мужа. — На полдня оставить нельзя, бездельник...

— Молчать, женщина, — проворчал инвалид. Неуклюже переставляя ноги в расхристанных тапках, он двинулся в комнату и, поскользнувшись на раскрытом альбоме для рисования, едва не грохнулся на пол.

— ЕдриТЬ-КОЛОТИТЬ, Димка! — выругался он. — А ну, убрал здесь все быстро!

Мальчик, увлеченно разрисовывающий цветными фломастерами собственные трусы, поднял голову.

— Сейчас.

— Не щас, а щас же, — потребовал Павел Егорович.

Мальчуган нехотя поднялся с пола и шагнул к альбому.

— А у меня трусы как ладуга, — похвастался он Марии, демонстрируя изрисованные трусики.

— Ну да. Осталось только мордаху разукрасить, — бросила женщина, даже не поздоровавшись с ребенком. Скинув стоптанные сапоги в белесо-солевых разводах, она отправилась в ванну.

— Ну и пусть, — выпятив нижнюю губу, сказал Дима. — Меня все лавно сколо забелут отсюда. И Сашку, и Малинку.

В дверь позвонили.

— Машка, открой! — заорал из комнаты Павел Егорович. — Эти уже, наверное, пожрали и вернулись...

Мария, на ходу вытирая руки выцветшим полотенцем, направилась к двери.

— Когда же этот дурдом закончится...

— А к нам очкалик приехал с толстой тетей, — сообщил ей в спину Дима. — Они нас забегут...

Мария щелкнула замком и, распахнув дверь, скривилась:

— Во, еще одна... Че забыла, Оль?

— Маша, добрый вечер, — поздоровалась с ней женщина с двумя пакетами в натруженных руках. — Можно войти? Я ненадолго.

Мария отступила, позволяя нежданной гостью пройти.

— Их увозят сегодня, — известила Мария, и в ее голосе прозвучало неприкрытое злорадство. — Так что ты зря все это притащила.

Ольга поставила пакеты на пол.

— Там фрукты, соки, печенье... — сказала она, убирай со лба прядь, выбившуюся из-под шерстяной шапочки.

Увидев женщину, Дима озарился улыбкой и, сияя от радости, подбежал навстречу.

– Пливет, тетя Оля!

– Привет, мой хороший, – расплылась в улыбке гостья. Она хотела обнять малыша, но между ними встала Мария.

– Ты это, бросай чудить, Оль, – заговорила она, уперев руки в бока.

Из комнаты вышел Павел Егорович. Его качало из стороны в сторону, словно он был на палубе корабля во время мощного шторма.

– Я просто хотела увидеть детей, – спокойно сказала Ольга.

– Попрощайся с ними, – предложил Павел Егорович, икнув. – Щас девки придут, и их увезут отсюда. Навсегда, – добавил он, почесав багровый нос.

Полноватое лицо Ольги слегка побледнело.

– А где девочки? – спросила она. – Уже из школы давно пора было прийти!

Павел Егорович присвистнул.

– Ишь ты, время даже считаешь, – хмыкнул он. Его мутный взгляд уперся в пакеты с продуктами. – Че таскаешь все время эту хрень? Думаешь, мы их голодом морим?! Лучше бы деньгами дала!

– Ага, – закивала Мария. На ее щеках проступили алые пятна. – Чтобы ты пропил все?!

Она взглянула на Ольгу:

– Две минуты, Оль. Целовайтесь и уходи. Извини, но мне этот балаган уже вот где.

С этими словами Мария провела по шее ребром ладони и ушла на кухню. Спустя секунду оттуда раздалось раздраженное хлопанье ящиков и звон посуды.

Дима выжидательно смотрел на опечаленную женщину, сидящую перед ним на корточках.

– Тебе глупство? Не глупсти, тетя Оля, – зашептал Дима. – Мы к тебе в гости плиедем.

Неожиданно ему в голову пришла какая-то мысль, и он, блеснув черными глазенками, возбужденно заговорил:

– А хочешь, поехали с нами?! Дядя Боля доблый. Он мне лобота подалил. А вот тетя Лена всегда недовольная. Я хочу, чтобы нашей мамой была ты, а не тетя Лена.

Ольга отвернулась, чтобы Дима не увидел, как повлажнели ее глаза.

– Ладно, Оль, – миролюбиво произнес Павел Егорович, продолжавший бестолково топтаться в коридоре. – Долгие проводы, долгие сопли. То есть слезы. Шла бы ты домой. Все равно тебе бы их не отдали. И дело ведь не в том, что они богатеи, а ты нищая, как церковная мышь. Они – семья, понятно тебе? А ты баба одинокая. И старая к тому же. Ну-ну, не обижайся... Смирись с этим. Богу богово...

Ольга медленно поднялась на ноги. С нежностью погладила Диму по нечесаной голове.

– Я подожду на улице девочек, – сказала она, обращаясь к Павлу Егоровичу. Тот что-то проворчал, мол, дело хозяйствское, жди где хочешь.

Скрипнула входная дверь – после визита Ольги ее так и не закрыли, и внутрь вошли Уваровы.

– А вот и мама с папой, – хихикнул инвалид и с вызовом посмотрел на Ольгу.

Едва заметно кивнув в знак приветствия, женщина покинула квартиру.

– Кто это? – напрямик спросила Елена.

– Да так... – фыркнул Павел Егорович. – Хотела к себе карапузов забрать. Шляется тут все время...

Из кухни выглянула Мария. Поздоровавшись с семейной четой, она пояснила:

– Это Ольга Еремина, живет по соседству. Раньше ее муж с родным отцом ребятишек дружили.

– Да? – удивился Борис. – Я видел личное дело детей. Их отец… – он запнулся, бросив взгляд на Диму, внимательно прислушивающегося к разговору, затем, решив, что тот все равно не поймет, о чем речь, продолжил: – Он же погиб на охоте?

Мария обменялась с мужем взглядами.

– Хреновая история, – сказал Павел Егорович, зачем-то ткнув заскорузлым пальцем в потолок с отслаивающейся штукатуркой. – Ольгин муж егерем трудился. Вот он с сыном и вон ихний батя, – палец, как корявый обломок палки, уперся в Диму, – пошли рыбачить. А тама браконьеры, значит, лося завалили. Возник эта, конфликт. Туды-сюды… Мутное дело. Расстрелял их какой-то псих из ружья. Всех троих, и сына Ольги тоже убил наповал. Его потом, этого убийцу, в тюрьме кто-то зарезал. Поделом гадине. Но отцов-то уже не вернешь в семью…

Рассказчик выдержал театральную паузу, чтобы насладиться эффектом от повествования, затем продолжил:

– Вот Ольга и ходит сюда. Мол, вроде как считает их за своих деток. Их мать от рака умерла еще давно…

Борис почувствовал, как в горле набух вязкий ком.

– Она… Эта Ольга, она что, тоже претендовала на усыновление?

Павел Егорович махнул своей единственной рукой:

– Куды там… Она в избенке старенькой живет, ветер подует, все разваливается… Из всего добра корова да пара кур тощих… Да к тому же она так ни за кого больше и не вышла, одна все время… Как привидение ходит, молчит и молчит…

– Познавательная история, – вмешалась в разговор Елена Сергеевна. – Девочки не приходили?

Мария покачала головой.

– Может, к подружке зашли? – предположила она.

– Они же знали о нашем приезде, – с легким раздражением возразила Елена. – Это абсолютно нелогично.

Борис снял очки, медленно протирая стекла. Где-то глубоко внутри тревожно царапнуло.

– Может, с ними что-то случилось в дороге? – тихо спросил он.

* * *

Девочки продолжали идти. Разбитую трассу с обеих сторон подпирали громадные снежные завалы, и шагать приходилось прямо по дороге, в опасной близости от проезжающих машин.

Ноги по щиколотку погружались в холодную кашу, и Марина ощутила, как снег уже проник в ботинки.

– Сашок, у тебя ноги не мокрые? – спросила она, с тревогой глядя, как младшая сестра месит слякотную жижу старенькими сапожками.

– Пока нет. Ветер только сильный, у меня лицо замерзло, – пожаловалась девочка. Марина поправила ей шарф, подняв его повыше, чтобы он закрывал курносый нос сестренки.

– Так лучше?

– Ага. Марина?

– Что?

Посопев немного, словно размышляя, стоит ли задавать вопрос, Саша все же решилась:

– А нам сколько не хватило на билет?

– Шесть рублей, – ответила Марина, мысленно ругая себя за то, что не попросила у тети Маши чуть больше. Так, на всякий случай… Впрочем, чего теперь вспоминать. Их новые опекуны не особенно-то и скрывали свое пренебрежительное отношение к ним. А уж когда Марина робко заикалась о карманных расходах, лица дяди Паши и тети Маши становились

такими кислыми, словно у них просили завещать дом с дачным участком, а не двадцать рублей на мороженое...

– А почему тогда ты не сказала этой злой тете, что мы отдадим ей шесть рублей потом?
В следующий раз?

Голос сестры вывел Марину из невеселых размышлений, и она со вздохом проговорила:

– Им так не положено, Сашок. Если каждый будет обещать, а потом не возвращать деньги, то эту тетю выгонят с работы. Ей придется отдавать свои деньги.

– Но мы-то честные!

Саша выглядела настолько потрясенной, словно даже не могла допустить мысли, что кто-то мог усомниться в их порядочности.

– Мы бы вернули эти шесть рублей! Правда?

– Правда.

– Надо верить людям, – убежденно сказала Саша. – Надо верить и помогать друг другу!

«Эх, Сашок... – грустно подумала Марина. – Какая же ты еще маленькая...»

– А почему нам никто не мог подарить эти шесть рублей? – не унималась девочка. – Это ведь немного? Да, Марина?

– Да, Сашок. Шесть рублей – совсем немного.

Желая сменить тему и видя, что сестра вновь намеревается что-то сказать, Марина торопливо спросила:

– А ты кого больше любишь? Дядю Борю или тетю Лену?

– Дядю Борю, – не задумываясь, ответила Саша.

– Это потому что он тебе ослика подарил? – хитро улыбнувшись, спросила Марина.

– Нет, – подумав, ответила Саша. – Дядя Боря добрый и хороший. А вот тетя Лена какая-то странная. По-моему, она какая-то нервная и все время недовольная.

«А я даже и не знаю, люблю ли я своих новых родителей, – подумала Марина. – Наверное, я готова их полюбить, если они полюбят нас».

– И дядя Боря, то есть мой пapa, никогда не отдаст нас, как отдали, помнишь? – продолжала Саша.

– Да, конечно, – поспешила согласиться Марина.

Они подошли к развилке. Указатель, который стоял раньше у обочины, был давно сломан, и теперь вместо него из асфальта торчал ржавый обрезок трубы.

– Нам туда? Или туда? – задумалась Саша, глядя на уходящие вдаль дороги. Каждая из них выглядела совершенно одинаково.

– Наверное, туда, – неуверенно сказала Марина, прищурившись. Она кивнула в сторону дороги, уходящей налево. Ветер, словно играя, небрежно швырял в лицо девочкам колкие снежинки, и они ежились от холода.

– Начинается снегопад, – с авторитетным видом произнесла Саша и подергала сестру за рукав:

– Когда мы уже придем? У меня ноги все замерзли.

Марина встревоженно закрутила головой.

Так куда идти? Направо? Или влево?

«Может, остановить машину? И спросить? А вдруг нас бесплатно подвезут?»

Эта мысль прибавила ей уверенности.

Она принялась «голосовать», но ни одна из проезжавших машин даже не притормозила мимо продрогших детей.

– Пошли туда, – решилась Марина и, взяв за руку сестру, двинулась направо.

– Марина, небо темное стало, – заметила Саша. Она на мгновенье остановилась, сняла со спины рюкзак и, отцепив от него плюшевого ослика, надела рюкзак обратно.

– Бедный, ты тоже замерз, – тихо сказала она, прижимая игрушку к груди.

– Идем, Сашок, – позвала Марина.

– А мы успеем? Вдруг мы опоздаем и наши новые мама с папой уедут? – вдруг спросила Саша, и Марина почувствовала, как глубоко внутри что-то неуклюже перевернулось.

– Все будет хорошо, – твердо сказала она.

– Да, – кивнула Саша, приободрившись. – И мой папа, дядя Боря, купит мне еще одного ослика. Чтобы Тиму было не скучно, когда меня нет рядом.

Порывисто-хлесткий ветер заунывно выл, заставляя девочек опускать головы и жмуриться, спасая глаза от колючей снежной пыли. Сестры продолжали удаляться от развилки, не подозревая, что свернули с маршрута автобуса.

Небо стремительно темнело.

* * *

Сапог змеей метнулся к Керосину и, преодолевая брезгливость, затряс его, словно тот был тряпичной куклой. Прокисшей от зелено-плесени, смердящей куклой с липкими паклями волос.

– Что ты знаешь, утырок? – сквозь зубы проговорил уголовник. Его глаза полыхали огнем, ноздри раздувались, словно у разъяренного зверя.

– Поможешь решить вопрос с Чингизом… скажу, – проскрежетал Керосин. Его голова вяло болталась из стороны в сторону, шапка слетела, обнажая облезлую проплешину на черепе с незаживающей язвой.

– Что. Ты. Знаешь. Говори, гнида! – взъярился Сапог.

Вместо ответа потрескавшиеся губы наркомана разъехались в стороны, показывая сморщененный язык в грязно-желтом налете.

– Ты мне… ничего не сделаешь. Потому что я кх!.. все про тебя знаю, – хрипло прошептал Керосин.

Он хотел добавить что-то еще, но в следующее мгновенье массивный кулак Сапога с силой впечатался ему в лицо. Хрустнули зубы, из расплющенных губ хлынула кровь. Удар отшвырнул наркомана в сторону, словно влажную тряпку. Раздался глухой стук – при падении Керосин приложился затылком об цементный пол и застыл, распластав в стороны руки, как если бы хотел заключить в объятия своих друзей.

– Е-мое, – испуганно пробормотал Леха, склоняясь над лежащим. – Сапог, по ходу, он скопытился…

Уголовник озабоченно разглядывал кулак – на костяшках краснела ссадина.

– Туда ему и дорога, – бросил он, наклоняясь над Керосином. Ткнул носком казака в ребра. – Дышит. Оклемается.

Сапог взял с телевизора старую газету, вытер руки.

– Значит, так, Леха. Пока ты еще не нарезался, садись в свой «Майбах» и поезжай за телками.

– Как за телками? – растерялся Леха. Он перевел взгляд на Керосина, словно тот должен был открыть глаза и подсказать, где именно можно было найти подходящих телок.

– Вот так, – невозмутимо ответил Сапог. – Я хочу сегодня оторваться, и я оторвусь. Мне нужна любая дырка.

– Хех, была бы пятница или выходные, можно в Согру поехать, там в ДК дискотека, – запротестовал Леха. – А щас что? Вон, уже темно! И ветрюга какая, дальше хера не видно! Где я тебе баб найду?

– Тебе придется напрячься. Прояви смекалку, наконец. Хочу сегодня вечером загнать красный «кадиллак» в лохматый гараж. Давай, дуй.

У Лехи было такое выражение лица, словно от него требовалось слетать на луну, отколоть от нее пару кусочков в качестве доказательства и вернуться до наступления ночи.

— Леня, мне все это не нравится, — мрачно заговорил Данилыч. — Все это... — Он сделал резкий жест в воздухе.

— Ну?

Старик выпустил воздух сквозь сжатые зубы:

— Это все неправильно. Не по-людски.

Сапог метнул взор на Леху, который нерешительно переминался с ноги на ногу:

— Ты еще здесь? А мне послышалось, что хлопнула дверь и «Нива» уже попердывает...

Глубоко вздохнув, Леха вышел из хибари. Спустя мгновенье лязгнули ворота гаража.

— Надо вызвать «Скорую», — хмурясь, сказал Данилыч. Он указал корявым пальцем на бесчувственного Керосина. — Ты же не хочешь снова оказаться на нарах?

Сапог желчно рассмеялся:

— Какая «Скорая», батя? Очнись. Никто сюда не поедет, а если Керосина и заберут, то выкинут на ближайшей помойке, как дырявый гандон.

— Не надо было его вообще сюда впускать.

Данилыч подошел к наркоману и, присев на корточки, стал рассматривать тряпку на его костлявом запястье.

Приподнялся, поискав глазами и, взяв с настенной полки длинную отвертку, вновь склонился над молодым человеком. Осторожно отодвинул край тряпки и едва не отпрянул, изменившись в лице:

— Бога в душу мать, — вырвалось у него, когда перед глазами мелькнула голая кость. Вонь стала сильнее, она будто сочилась ядовитыми газами, как зловонные испарения над гибким болотом.

Сапог равнодушно глянул на жуткую рану наркомана и сплюнул:

— Ему и так недолго осталось.

— Леня, о чем он это говорил? — негромко поинтересовался Данилыч, расправляя тряпку отверткой, так чтобы прикрыть гниющую дыру. — Что он знает про тебя? Что за подвал?

Сапог метнул в отца пронзительный взгляд.

— Самому интересно, — нехотя обронил он. — Ничего. Придет в себя, я с ним тет-а-тет побеседую.

Несколько минут никто ничего не говорил, разговор между сыном и отцом явно не клеился. Наконец Сапог налил себе еще, выпил и, не закусывая, вышел в гараж, закрыв за собой дверь.

Уставился на громадную дверь, ведущую в подвал. Когда-то там внизу была обычная смотровая яма, но в свое время Сапог предложил приятелям расширить пространство, а вместо обычного деревянного настила установить массивную дверь. Причем с навесным замком.

Уголовник коснулся носком стоптанного казака проржавевшей дужки замка. Затем присел, медленно провел пальцами по неровным щелям. Оттуда веяло ледяным холодом.

— Что ты про меня знаешь, гаденыш? — очень тихо промолвил он. — Я очень хочу получить ответ на свой вопрос. Очень.

Сапог посмотрел на ряд жестяных банок, стоявших в ряд на заляпанной машинным маслом полке. Болты, гайки, шайбы, солидол, застывший как воск, остатки краски...

Ключ оказался там, где лежал и всегда, вмятой исцарапанной темно-зеленой банке из-под конфет.

* * *

Погода стремительно ухудшалась. Разъяренный ветер неистовствовал, едва не сбивая с ног, и Саша спряталась за спину сестры. С трудом вынимая из сугробов замерзшие ноги, девочки брали вперед, с тщетной надеждой всматриваясь в ледяную пургу.

– Когда же мы приедем? – захныкала Саша. Ее ресницы, покрытые тончайшей пленочкой льда, напоминали серебряные иголочки.

Марина остановилась, оглядываясь по сторонам.

«Переезд. Тут должна была проходить железная дорога, – вспомнила она. – Или мы все-таки заблудились?!»

За их спинами, рассекая мглу светом фар, неторопливо ползла какая-то машина. Марина вяло подняла руку, но автомобиль, буксую колесами в снежной каше, равнодушно пропыхтел мимо.

– Почему никто не останавливается? – дрожащим голосом спросила Саша, прижимая к себе припорошенного снегом Тима. – Они же нас видят!

«Потому что никому нет до нас дела, Сашок, – грустно подумала Марина. Ей хотелось кричать от досады и бессилия, кричать и ругаться нехорошими словами, которые так часто используют мальчишки в школе и дядя Паша и тетя Маша, у которых они живут, и лишь присутствие младшей сестры заставляло девочку сдерживать свои эмоции.

«И надо же такому случиться в тот день, когда нас приехали забирать в новую семью!»

– Сашок, не переживай. Мы еще им всем покажем! – пытаясь перекричать ветер, громко сказала она, обняв сестру. Шарф, закрывающий лицо Саши, от ее дыхания заледенел, превратившись в задубевшую корку. На Марину с надеждой смотрели громадные блестящие глаза сестренки.

– Еще немного. И мы приедем, – пообещала Марина, стараясь вложить в свой голос уверенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.